

МАРИЯ ЕРОВА

СИРОТКА
ДЛЯ КНЯЗЯ ОБОРОТНЕЙ

Мария Ерова

Сиротка для князя оборотней

<https://litres.ru/74205838>

Аннотация

Я не была счастлива в своём мире. Но попав в тело Настасьи – девушки-сироты из далёкого прошлого, живущей в славянской деревне, я осознала, что такое настоящий ад. Меня продали за золото на поруганье мерзкому богатею, и я совершила побег, сулящий мне верную смерть. Но именно тогда на моём пути появился он – князь, чья страшная тайна была проклятием, и не только для него одного...

#мужчина-защитник

#попаданка

#сложные отношения

#тайны и загадки прошлого

#оборотень

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	54
Глава 11	59
Глава 12	64
Глава 13	68
Глава 14	73
Глава 15	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Пролог

С тех пор, как умер отец, моя жизнь превратилась в сущий ад. Мать я свою почти не помнила, её не стало ещё тогда, когда я была младенцем. А вот тётя Наташа – вторая жена папы, появилась в моей жизни многим позже. Тогда мне уже было почти пятнадцать, и я хорошо помню тот день, когда эта разукрашенная и разряженная фифочка переступила порог нашей квартиры, уже чувствуя себя в ней полной хозяйкой. Я была адекватным подростком, и всё же тогда первым моим порывом было выставить эту тётку за дверь, но взгляд отца, направленный в её сторону, полный обожания и непонятного мне восхищения, красноречиво дал понять: скорее я окажусь на улице, чем она. Хотя с папой мы всегда отлично ладили, и я не думала, ни гадала, что под конец своей жизни он преподнесёт мне вот такой «сюрприз».

Конечно, тогда он ещё не знал, что всего через несколько лет его не станет. Скоротечная болезнь свалила его за каких-то полгода, но всё это время нам с тётей Наташей приходилось терпеть друг друга – она, как и я её, невзлюбила меня с первого взгляда. Своих детей Бог этой женщине не дал. Или же она сознательно не хотела их иметь, да вот только не понимала она, что такое дети – капризничала, словно это она, а не я, была подростком, устраивала сцены по поводу и без и всё время пыталась настроить папу против меня.

Конечно, сначала я пыталась терпеть, но со временем скандалы в нашем доме стали происходить чаще и чаще. Я ставила отцу свои условия, тётя Наташа – свои. И, наверное, в конечном итоге это и привело его к болезни – он не смог разорваться между своей дочерью и новой женой. Но если бы я знала, к чему приведёт наше противостояние, то сама бы ушла из дома. И неважно, чем бы это закончилось...

Когда врач сообщил нам страшный диагноз отца, я испытала настоящий шок. Я не спала ночами, рыдая в подушку, и даже предприняла попытку помириться с тётей Наташей. Ну, как помириться – хотя бы, ради отца, сделать вид, что мы подружались. Но в результате она отгородилась от меня ещё сильнее. Сначала я не понимала причины такого поведения, списывая всё на стресс, но... Но, когда отец уже не мог вставать и дни его были сочтены, я застала в нашей квартире незнакомого мне мужчину. Застала в постели мачехи.

Судя по тому, что я увидела на кухне, у них тут был пир горой, с дешёвым алкоголем и закуской на скорую руку. А после – все вытекающие последствия в виде любовного акта, и это при живом-то муже! Пусть и умирающем...

И тогда я поняла, что за змею пригрел мой отец на своей груди.

Встав в дверях её спальни, я сложила руки на груди и ждала, когда меня заметят. Но ожидаемого смущения не произошло – обнаружив меня, любовник моей мачехи лишь широко улыбнулся и произнёс:

- Натаха, кажется, эта девочка хочет к нам присоединиться...

Его слова были мне крайне неприятны: хоть я и не планировала ничего такого, но мне стало мерзко только от осознания подобного действия. И всё же я ждала реакции мачехи, которая последовала почти незамедлительно.

Вскочив, она побледнела, сотрясая своей обвисшей обнажённой грудью и складками на пояснице.

- А ну, пошла прочь, кобыла! – заорала она на меня, как будто это я была повинна в чём-то греховном, а вовсе не она.

Наверное, здесь большую роль сыграла ревность. Конечно, ведь её пьяный любовник сейчас таращился на меня, молодую восемнадцатилетнюю девушку, да ещё и делал предложения, которые прозвучали чуть раньше.

- Убирайся из нашего дома! – закричала на неё я, разозлившись окончательно. – Ты, мерзкая убогая потаскуха!

Она, подскочив ко мне, со всей силы залепила мне пощёчину.

- Молчи, Наська! – она потрясла рукой, должно быть, чувствуя боль от удара ею по моему лицу. – Твой дом, говоришь?! А ты не думала, что твой отец давно переписал всё на меня?!

Я задрожала, потирая ушибленную щёку и едва держась на ногах. Боль и отчаяние – вот что выбивало меня из колеи прямо сейчас. А ещё обида за отца. Последняя, пожалуй, была сильнее прочих обстоятельств.

- Папа бы так никогда не поступил! – бросила я ей в лицо.

- «Папа бы так никогда не поступил!» - передразнила она меня писклявым голосом. – Что бы ты понимала! Лучше собирай чемоданы и катись отсюда подобру-поздорову, подалее с глаз моих! У, ненавижу!

И она замахнулась опять, но в этот раз я увернулась, услышав в тот же миг слабый хрип из соседней комнаты.

- Папа! – тут же опомнилась я, побежав к нему, но было поздно.

Свой последний миг жизни мой отец провёл, выслушивая, как его любимая жёнушка справляла свои любовные дела за стенкой и наш с ней очередной скандал. Рука его безжизненно свисала с кровати, а глаза были закрыты. И хоть он был ещё тёплым, но пульса я уже не нащупала.

- Папа!!! – вновь закричала я.

Следом за мной появилась тётя Наташа, застёгивая на ходу халат на обнажённом теле и этот пьяный её кавалер с красным лицом. Он, кажется, и вовсе не понимал, что здесь происходит.

В секунду оценив ситуацию, моя мачеха, замерев посреди комнаты, вдруг громко закричала:

- Чего ревёшь?! Вызывай скорую!

И сама же бросилась за телефоном, на ходу выставляя своего пьяного дружка за дверь.

- Скорая уже не поможет, - прошептала я одними губами, не в силах отвести взора от лица спокойного, наконец-то от-

мучившегося, моего отца.

- Конечно, нет! – бодро взвизгнула тётя Наташа. – Нужно зафиксировать факт смерти. И начинать делить наследство!

Последняя фраза просто убила меня наповал. Наследство... Вот что ей было нужно! Только наследство...

Глава 1

- Что значит, всё принадлежит *ей*?! – мачеха даже прикрыла глаза, не в силах принять реальность, как таковую.

Её заметно трусило от услышанного. Конечно! Ведь только что выяснилось, что папа всё завещал мне: и квартиру, и машину, и даже домик в далёком дачном посёлке... Я даже не сомневалась в этом, но вот радости совершенно не испытывала. Лучше бы он был жив, а мне... мне ничего не надо было.

У меня потекли слёзы, тогда как тётя Наташа начала рвать и метать, а из глаз её полетели молнии, так она разозлилась на правду.

- Что Вас, собственно, не устраивает? – нотариус, немолодой лысоватый мужчина с непроницаемым лицом, прямо смотрел на бесноватую женщину напротив, не выражая к ней абсолютно никаких чувств. – Вы с Григорием Михайловичем заключили брачный контракт, в котором было прописано, что всё его имущество, в случае его смерти, перейдёт к единственной дочери – Анастасии Григорьевне.

- Да, но... - лицо моей мачехи даже стало фиолетовым, видимо, подскочило давление. – Он обещал! Обещал, что сделает меня единственной наследницей!

- «Обещать – не значит жениться», - сухо, и всё же с некоторой насмешкой в голосе ответил ей мужчина. – Я показал

Вам бумаги, на которых чёрным по белому изложена воля покойного... Вы, конечно же, можете обратиться в суд, но я, как юрист, могу сказать, что дело это невыгодное. Вы не только проиграете его, но ещё будете вынуждены платить судебные издержки, а они будут немаленькими...

Я слушала их в пол-уха, и то, словно забитого ватой. Тётя Наташа что-то отвечала ему в своей экспрессивной манере, нотариус же жёстко отвечал фактами. И, в конец концов, я решила выйти на свежий воздух: выслушав последнее решение отца, пусть и произнесённое чужими губами, мне здесь больше нечего было делать.

И я отправилась домой. Без него, без папы, здесь было как-то уныло и пусто. Даже несмотря на то, что в последнее время он не вставал с кровати, я знала, что он здесь, рядом, и от того мне было спокойнее. А теперь кроме горестных воспоминаний о нём у меня ничего не осталось. Лишь эта квартира, пропахшая лекарствами, которую он всё же завещал мне, вероятно, подозревая, кем на самом деле являлась его вторая жена. Или же просто решил напоследок позаботиться о единственной дочери, оставшейся после его смерти круглой сиротой.

Тётя Наташа явилась сюда же часа через полтора, и сразу же заявила с порога:

- Если ты думаешь, что я начну собирать свои вещи прямо сейчас, то ты сильно ошибаешься!

Она уже была навеселе, от неё пахло свежим перегаром

– и когда только успела? И мне совсем не хотелось спорить. Я была просто вымотана, ни дня нормально не проспав после похорон. А ведь прошло уже достаточно много времени, но я давно поняла, что такое состояние обеспечено мне ещё надолго.

Мачеха, не услышав никаких возражений с моей стороны, подозрительно покосилась в мою сторону.

- Ты оглохла? Или как?

- Я Вас слышу, тётя Наташа, - спокойно ответила ей я, лишь бы она от меня только отвязалась. – Оставайтесь. У Вас есть несколько дней. А потом... Боюсь, после всего сказанного и услышанного мы просто вместе не уживёмся. И нам придётся разъехаться. В том смысле, что Вам придётся уехать отсюда и найти другое жильё...

Я старалась не грубить этой уже немолодой, изрядно подвыпившей женщине, но она всё равно разозлилась.

- У, сатана! – закричала она, сотрясая кулаком в воздухе. – Думаешь, переиграла меня?! Для Гришки ты всю жизнь была лишь обузой, ни бабу найти, никуда не сходить...

Я устало вздохнула, слыша такие слова в свой адрес не впервые. И прекрасно зная позицию отца по этому поводу, кардинально отличающуюся от той, которую периодически в его отсутствие озвучивала тётя Наташа.

- Но Вас-то он как-то нашёл...

- Подобрала, как щенка, на помойке! – взвизгнула она ещё громче. – Отмыла, придела, на человека стал похож! А то

ходил, как бомж беспризорный...

Не знаю уж, что она там имела ввиду, но мой отец никогда не был ни бомжом, ни нищим. Конечно, он работал на одном из предприятий обычным рабочим, а потому часто ходил в робе, но выглядел всегда чисто и прилично. И да, он не выпивал даже по праздникам, не имея к этому ни склонности, ни желания. Мы прекрасно жили и вдвоём, и, если бы эта женщина, не имеющая ни своей жилплощади, ни понятия о малейшей тактичности, не появилась в нашей жизни, я думаю, отец прожил бы ещё очень много времени.

Но, к сожалению, всё сложилось иначе.

- Зачем Вы говорите это мне сейчас? – со вздохом спросила я, всё ещё пытаюсь воззвать к её благоразумию.

- Потому что ты украла то, что принадлежит мне! – едва не захлёбываясь желчью, произнесла она, подскочив ко мне.

- Это неправда! Квартира, как и всё прочее, изначально принадлежали моему отцу. А я всегда была его законной наследницей...

- И что?! Я ублажала его в постели! Я дарила ему лучшие годы своей жизни! А ты... ты...

Кажется, и у этой гадюки закончились аргументы, потому как, дойдя до точки кипения, она схватила меня за волосы, потянув на себя.

- Пустите! – закричала я, пытаюсь вырваться, но куда мне, восемнадцатилетней худышке было справиться с такой матёрой бабищей?

А потому, всё, что я могла, это повиснуть у неё на руке, пытаясь освободиться из железной хватки. А после, мне как-то удалось извернуться, и укусить её за руку, на что последовала незамедлительная реакция.

Тётя Наташа взывала от боли, но миг моего триумфа длился не долго. Перехватив мой хвостик в другую руку, она, что есть силы, ударила меня о стену, должно быть, даже не понимая, что делает.

Добротный угол старинной антресоли, попавшийся как раз на траектории движения моей головы, сыграл сейчас ключевую роль. Я налетела на него виском, на секунду почувствовав острую боль. А дальше в моих глазах всё стало белым, словно весь мир перестал существовать.

Но на самом деле, где-то на задворках своего сознания я понимала, что это я ушла из этого мира. И, скорее всего, навсегда...

Глава 2

Я очнулась от собственного стога, не сразу сообразив, почему так болит голова. Тело затекло от долгого пребывания в одном положении, а пальцы и ладони что-то кололо, неприятно впиваясь в кожу. Распахнув глаза, я обнаружила себя в каком-то сарае, полусидящей на кучке прелой соломы, небрежно брошенной прямо на влажноватую утоптанную землю. Сквозь наспех сколоченные между собой доски, служившие стенами этой постройки, пробивались лучи утреннего солнца, в которых плясали мелкие частички пыли. А ещё здесь ужасно пахло навозом.

Где-то слышались петушиные крики и мычание коров, воздух был влажным, летним, знойным. Должно быть, я сейчас находилась где-то в сельской местности. Вот только как я здесь очутилась, сказать не могла. Ведь последним моим воспоминанием было нападение тёти Наташи и удар виском об угол антресоли, после которого я записала себя в нежилыцы.

Но, видимо, всё сложилось иначе. И мачеха, решив избавиться от улик, отвезла меня куда-то за город, надеясь, что здесь, без врачебной помощи, я всё равно погибну. И всё наследство, хоть я и не знала, как это выглядит юридически, достанется ей...

Вспомнив про недавнюю рану, полученную при падении,

я машинально потянулась к виску. Дотрагиваться было почти невыносимо, а когда я, коснувшись больного места, поднесла пальцы к глазам, то увидела кровь. Наверное, такая рана быстро не заживала, а потому до сих пор мокла и требовала обработки.

По-хорошему, мне надо было сначала обратиться в полицию, чтобы засвидетельствовать это. Но и получить заражение крови и дополнительные проблемы мне тоже не хотелось. Да и выяснить, где я всё-таки нахожусь, было не последним делом.

Кое-как поднявшись, я подошла к двери сарая, торкнувшись в неё. Но она оказалась закрыта снаружи – неужели моя мачеха решила и здесь подстраховаться? Вот, стерва! Ну, я устрою ей, когда выберусь. Если выберусь...

- Эй! – забарабанила я кулаками в дверь. – Есть здесь кто живой?! Откройте!

Но, само собой, никто, как по волшебству, не бросился мне на помощь.

Тогда я попробовала навалиться на дверь, но засов с той стороны оказался гораздо прочнее. А у меня совсем не было сил. Даже такие простые действия уже вызвали у меня слабость и тошноту. А на лбу даже выступила испарина. Однако я попыталась не обращать на это внимание. Быть слабой сейчас мне просто не представлялось возможным. К тому же, как я логически размышляла, если здесь имелась живность в виде домашних птиц и коров, то и где-то неподалёку бы-

ли люди. А, значит, рано или поздно кто-нибудь сюда обязательно заглянет.

Пока же я решила дать себе передышку и вернулась на прежнее место, где лежала потемневшая солома. Всё лучше, чем сидеть на сырой земле. К тому же мне очень не хотелось простудиться или, хуже того, потерять сознание, а потому я решила немного сэкономить силы, прежде чем повторить попытку выбраться отсюда.

Но «отдыхать» получилось недолго. Вскоре я услышала приближающиеся шаги и звук отодвигающегося затвора. И на пороге вдруг очутилась незнакомая мне женщина в возрасте, крупная, с большой грудью и руками, уткнутыми в бока. А уж про выражение её лица мне и вовсе говорить не хотелось, настолько высокомерным и противным оно мне показалось.

Какое-то время мы изучали друг друга, а после она, словно зная меня всю жизнь, обратилась ко мне столь же цинично, как и смерила взглядом.

- Ну? Хорошенько подумала над своим поведением, Настасья?

От удивления и такого жёсткого напора со стороны абсолютно незнакомой мне женщины я даже опешила. Настасья? Нет, я, конечно, знала, что это был устаревший вариант моего имени - Анастасия, но меня в жизни никто так не называл, даже в шутку. К тому же, откуда оно ей было известно? Или тётя Наташа заплатила этой мужеподобной тётке, чтоб

она сыграла роль моей надсмотрщицы? Хотя моя мачеха была настолько жадной женщиной, что вряд ли бы разорилась хоть на копейку...

- Кто Вы? И почему со мной так разговариваете? – попыталась выяснить я, на что женщина только рассердилась.

- Али память отшибло, убогая? – желчи в её голосе только прибавилось. – А ну, вставай! Скотина не кормлена! Вода тоже сама себя не принесёт... Разлеглась!

И она, несмотря на все свои лишние килограммы, резво подскочила ко мне и со всей силы пнула меня ногой в бок.

Боль, и без того ни на секунду ещё не оставлявшая меня, теперь вспыхнула новым очагом в теле.

- За что? – закричала я на неё обиженно. – Что я Вам сделала?! Если моя мачеха заплатила Вам денег, то Вы пойдёте в суд, как соучастница! И не думайте, что я это так оставлю!

Тётка, разинув рот, уставилась на меня так, словно призрак увидела.

- Видать, я вчера и впрямь сильно тебя поленом приложила, – задумчиво произнесла она. – Раз не узнаёшь... Я и есть твоя мачеха – Пелагея! А ты, убогая, моя падчерица, а потому обязана во всём мне подчиняться!

Сказала она это с таким презрением, будто сплюнула залевевшую в рот мушку. Но теперь я уже совсем перестала что-либо понимать. Что за околесицу она тут несла? Эта тётка – моя мачеха? А куда же тогда подевалась тётя Наташа? Нет, так дело не пойдёт... Кто-то из нас двоих был явно су-

масшедшей!

- Вставай, говорю! – похоже, этой Пелагее надоело ждать, и она, нагнувшись, ухватила меня за косу, резко дёрнув на себя.

Я вскрикнула и уставилась на свои длинные тёмные волосы в руках злобной тётки. Коса была такой толстой и блестящей, что впору было шампуню какие-нибудь рекламировать за большие деньги! Вот только я всё ещё отдавала себе отчёт, и помнила, что мои волосы мало того не обладали такой густотой и едва доходили до лопаток, так ещё и были светлого, почти белого цвета.

Так что же всё-таки со мной происходило прямо здесь и сейчас?

И я ли это была вообще?..

Глава 3

Пребывая в шоке, я почти не обращала внимания на боль, пытаюсь осознать нечто более важное. Заметив, что я не сопротивляюсь, Пелагея выпустила мои волосы из своих рук, и теперь я могла осмотреться. И удивиться ещё больше...

Сельская местность... По звукам, что я слышала, находясь в сарае, в котором меня держала взаперти вредная тётка, мне удалось правильно определить своё местоположение. Не конкретный жилой пункт, а то, что вокруг меня простиралась самая настоящая, *живая* деревня – множество деревянных низеньких домов, окружённых заборами из кольев, с раскинутыми поодаль хозяйствами, пашнями и лугами, на которых паслись коровы и козы.

Но всё это меркло на фоне того шикарного терема, который возник перед моими глазами – высокий особняк, выполненный в старинном русском стиле, затмевал собой всё вокруг, являясь, без сомнения, произведением древнерусского зодчества!

Резные ставни на окнах были приветливо распахнуты, узоры, проходившие под самой крышей и на бревенчатых стенах здания, были отдельной темой – такие можно было рассматривать сутки, восхищаясь умением мастеров того времени.

- Чего рот раскрыла? – как оказалось, Пелагея всё это вре-

мя зыркала на меня, только и ожидая момента, чтобы вновь макнуть лицом в грязь. Пока что, в переносном смысле.

- Красиво, - только и смогла мечтательно протянуть я, но тут её вновь как прорвало.

- «Красиво»! – изобразила она меня, брызгая слюной. – Думаешь, хоть дощечка тебе от него достанется?! Да не в жизнь! Только через мои кости!

О чём вообще говорила эта душевнобольная? Сначала махехой моей представилась, потом... Я опять взглянула на свои руки – нет, они точно были не мои. Хотя в жизни я и не была белоручкой, но сейчас они выглядели так, словно я вообще рук не покладала, работая без сна и отдыха, причём явно не за компьютером. А ещё они были худыми, с бледноватой кожей, но молодыми, явно натруженными. Эх, где бы найти зеркало, посмотреть, что стало с моим лицом...

Однако, я могла рассмотреть сейчас и свою фигуру. Худенькая, но с заметной упругой грудью, тоже мне явно не принадлежащей. Что же всё-таки произошло? Почему я так... изменилась?

Покосившись на Пелагею, до сих пор подозрительно на меня смотревшую, я начала сравнивать её с тётей Наташей. Она ведь тоже какое-то наследство имела ввиду? Или мне показалось?..

Но спорить с ней или что-либо спрашивать я не решилась, полагая, что сейчас опять только нарвусь на грубость. Хотя этой женщине ведь не нужен был повод, чтобы сделать ка-

кую-нибудь очередную гадость – это я поняла за считанные секунды знакомства с ней. Значит, пока нужно ей подыгрывать. А уж потом найти способ отсюда сбежать и обратиться в полицию.

- Работай иди, лентяйка! – прикрикнула она на меня, схватив стоявшие неподалёку грабли и швырнув их в мою сторону.

Если бы не потрясающая реакция моего тела, то, возможно, синяков на моих ногах прибавилось бы. Но мне повезло – я с лёгкостью, на лету, схватила добротное сельхозорудие, как будто делала это уже не раз, опять удившись собственной ловкости.

- Курятник уберёшь, потом в свинарник зайди! И курам насыпать зерна не забудь! – продолжила распоряжаться Пелагея. – Смотри, старайся! Я проверю! Хоть одну соринку угляжу – останешься без обеда!

И, сплюнув на землю, она наконец-то оставила меня в покое.

Теперь у меня появилось немного времени, чтобы осмотреться получше. Место, на котором стоял терем и множество окружавших его построек, находилось на возвышенности, а потому и раскинувшуюся внизу деревню мне было так хорошо видно. Интересно, как называлось это поселение? Не помню, чтобы я раньше здесь бывала. Впрочем, если моя мачеха вознамерилась от меня избавиться, вряд ли бы она «подбирала» знакомые мне населённые пункты. Скорее

бы, отправила куда-нибудь подальше, на другой конец России-матушки, и дело к стороне. Сколько так людей пропадают из года в год, а потом обнаруживаются или разлагающимися телами, прикопанными в каком-нибудь овраге. Или в рабстве у таких вот недалёких, но жадных до денег «фермерш», не имеющих даже представления о совести – лишь бы заказчик платил.

Однако я не увидела здесь ни высоких ограждающих заборов, ни собак на цепи – на первый взгляд, всё тихо и мирно, хоть сейчас всё бросай и беги. Но дело осложнялось тем, что я как бы была не в своём теле, но по непонятной мне причине ощущала его своим. И пока что это было одной из неразрешимых загадок, обрушившихся на мою бедную голову, которую разгадать я не могла.

Но торопиться зазря не стоило. Вдруг, это была только видимость и на самом деле там, за забором, меня поджидало нечто такое, о чём я потом бы пожалела вдвойне. Не стоило себя накручивать раньше времени, и всё же нужно было трезво оценивать ситуацию, а не решать возникшую проблему сломя голову.

Грабли в руке напомнили мне о «задании», выданном Пелагеей, и я завертела головой, пытаюсь понять, где тут курятник. Возиться с навозом совсем не хотелось, но опять же, чтобы выжить в ближайшее время мне было необходимо следовать определённым правилам игры, затеянной не мной. И я отправилась на поиски того места, где жили куры.

Складывалось ощущение, что Пелагея принимала меня за какую-то другую девушку, наверное, ту, в тело которой – а иного объяснения у меня не было, я попала. Мой разум попал, а потому мне было так сложно ориентироваться там, где моя «предшественница», должно быть, чувствовала себя как рыба в воде.

«Настасья» - пришло на ум имя, которым назвала меня Пелагея. Почти что, Анастасия – так звали меня, по крайней мере, раньше. Надо же, какое совпадение...

Путаясь в мыслях, как в вязком болоте, я не заметила, как кто-то метнулся ко мне чуть ли не под ноги. Взвизгнув, я отскочила, пытаюсь понять, что за новая опасность грозит мне. И для убедительности подняла грабли в воздух, готовясь в случае чего ударить ими, как оружием...

Глава 4

- Настя, Настасьюшка, это я! – запищал детский голосок, а ручки обвили мою талию. - Не бей! Слышишь?! Не бей! Это я, Дарёнка, сестрица твоя!

Я так и замерла с граблями в руках, пытаюсь успокоить разошедшееся от испуга сердце – сначала за себя, а потом за ту маленькую пигалицу, что едва не попала под удар грозного сельхозорудия. На вид девочке было лет шесть-семь, а, может, и меньше – несильна я была в детях. Испуганная чумазная мордашка, половину которой занимали огромные глаза зеленого цвета, тёмные волосы – такие же, как и у меня, один в один... Мне даже представить было страшно, что случилось бы, если моя реакция оказалась молниеносной. Это мужику такими граблями дать, может, и отделался бы лёгким испугом. А ребёнка и убить можно...

Последняя мысль тут же заставила меня шмыгнуть носом. На глаза навернулись слёзы, я отшвырнула грабли в сторону, а сама, присев на корточки, обхватила малышку за плечи.

Та тоже едва держалась, чтобы не разреветься. И у неё, к слову сказать, это получалось в разы лучше.

- Ты как? Не ушиблась? – спросила я, заглянув в огромные глаза ребёнка. – Прости, я думала, на меня кто-то напал...

Но девочка, с секунд пять изучив моё лицо, обвила руками уже мою шею.

- Настасьюшка! Ты жива! – тоненько запричитала девчушка, искренне переживая за меня. Или вернее за ту, в чьё тело я умудрилась каким-то образом поместиться.

- А что, не должна была? – осторожно спросила я, крепко прижав к себе это крохотное тельце в ответ.

От девочки пахло молоком и травами, а ещё в этой пига-лице было что-то такое, отчего в моей груди разом потеплело, словно в ней зародилось маленькое солнышко, и тепло от него теперь растекалось по всему моему телу.

- Мамка вчера тебя так била, так била! – девочка зарыдала, и её тело задрожало в моих объятиях. – И всё по голове! Я уж думала, убьёт совсем! Бросилась тебя спасать, да сама палкой получила! Вот, смотри...

Дарёнка, отстранившись, задрала подол длинного платья, демонстрируя огромную багровую гематому на боку. И тут же спрятала её обратно.

От увиденного ком встал в моём горле.

- Так, получается, Пелагея и тебя бьёт? Не только меня...

- Нет! – заверила меня девочка. – На меня кричит только, если чем не угожу. Она говорит, что я ей родная кровь, а ты – никто...

Рассуждения Дарёнки были столь искренни и наивны, что мне даже стало жаль её. Если Пелагея узнает, что она мне про неё наговорила, то, возможно, и ребёнка не помилует. С такой станет...

- А ты что? – осторожно продолжила я расспросы.

- А я говорю, что мне ты всё равно сестра, и люблю я тебя, как родную!

Доказывая это, девочка аж покраснелась.

- Получается, мы с тобой и не родные вовсе по крови?..

Дарёнка, нежно коснувшись кровоточащей раны на моём виске, с сожалением вздохнула.

- Эх, вижу, и впрямь ты всё забыла от этих мамкиных побоев! – с досадой произнесла она. – Родные, да только по батюшке! Видишь, как мы с тобой похожи?

Хотела бы я посмотреть на себя со стороны! Если бы мы и впрямь были похожи, то и у меня были такие огромные глаза, и кожа чуть смуглее той, к которой я привыкла. Да и по чертам лица было понятно, что вырастет из девочки настоящая красавица! А, значит, и я, возможно, была «ничего»...

Ох, какие же глупые мысли полезли в мою голову! Нужно было думать, как выбраться отсюда поскорее, а не о красоте своей размышлять. Пустое это всё, лишнее...

- А где же наш батюшка? – наконец, решилась спросить я, тем более что наш недолгий диалог подвёл нас как раз к этой скользкой теме.

- И этого не помнишь? – с горечью вздохнула Дарёнка. – Помер он, ещё в том месяце, вот мамка на тебя и спустилась! Избавиться хочет, замуж отдать, лишь бы с глаз её долой – это она говорит. А я с ней спорю, ругаюсь, да только кто меня слушать станет...

Маленькая, отважная сестрёнка всё больше вызывала во

мне симпатию в то время, как к Пелагее я начинала испытывать самую настоящую ненависть. Оказывается, у нас с Настасьей было многим больше общего, чем мне изначально могло показаться: и отец умер совсем недавно, и мачеха так лютовала, что могла и убить. На ум сразу же пришло искажённое злом пьяное лицо тёти Наташи в тот последний миг, когда она набросилась на меня. А что, если она меня и впрямь убила? Там, в квартире, толкнув об острый угол антресоли... И моя душа, вырвавшись из тела, каким-то образом оказалась в теле этой несчастной Настасьи, что была в том же положении, что и я? Ошибка природы или что-то в этом духе...

Бред какой-то! Но другого объяснения происходящего на ум пока не приходило.

- И за что же она меня так невзлюбила? – спросила я у Дарёнки, сжав её крохотные ладошки в своих.

- Mamka сказала, что ты любовь отцовскую у неё отнимала. Что любил он тебя больше, чем нас, но лишь потому, что ты чарами его заколдовала. Колдуньей тебя обзывала. Но я-то знаю, что это не так! Просто батюшка любил тебя шибко, да знал, что своей мамки у тебя нет, вот и заботился, как мог, подарки покупал, баловал. И мне тоже покупал, и ей, да только моя мамка этого отчего-то не помнит...

Ну, всё стало почти ясно. Банальная ревность новой жены по отношению к дочери от первого брака. Прямо как у меня... в той жизни. Нда, информацию я получила, вот только

что делать с ней, я понятия не имела. Даже с чего начать...

- Дарёнка, - осторожно начала я. – А как наша деревня называется? Я, к сожалению, и этого не помню...

Девочка, вновь взглянув на меня с сожалением, тихо произнесла.

- Чудновка. Это на севере княжества, да только так спокойнее – отец говорил.

- Какого ещё княжества?.. – обалдела я.

Девочка наигранно закатила глаза, видимо ей надоело объяснять всё подзабывшей старшей сестре элементарные вещи.

- Нашего княжества, конечно же! – произнесла она таким тоном, словно это чего-то, да объясняло. И тут же шёпотом добавила. – Говорят, основное княжество находится в чаще непроходимого леса, я там точно никогда не была! А наш князь - Володар - может обращаться в... волка!

Не знаю, у кого сейчас больше были расширены глаза, у меня или же у моей сестрицы, но большей чуши я за жизнь свою не слышала. Хотя, Дарёнка ведь была ребёнком, ей было простительно верить в сказки.

- Понятно, - только и сказала я. – А теперь скажи мне, где здесь курятник...

И девочка, тяжело вздохнув, и всё же приняв на себя такую ответственность, повела меня на птичий двор.

Глава 5

Увидев масштабы того, что мне только предстояло убрать, я едва не ахнула. Но руки привычно взялись за многострадальные грабли, и я принялась ловко ими орудовать, убирая солому вперемешку с навозом, при этом рискуя каждый миг упасть в обморок от исходившего от всего этого запаха. Несколько кур сидели в гнёздах, откладывая яйца; большинство же прогуливалось по улице под предводительством разноцветного петуха, на специально отведённой для этого площадке.

Но жаловаться я не стала. Дарёнка помогала мне, как могла, то и дело боязливо поглядывая на дверь. Работы она не боялась, значит, дело было не в вонючем курятнике, а в чём-то или, вернее, в ком-то...

- Мамки боишься? – догадалась я, на время отставляя своё орудие в сторону – слабость так и накатывала волнами, но я боялась, что сделаю ещё хуже, если откажусь выполнять требования взбалмошной бабы.

- Ага, - не стала упираться сестрёнка. – Ох и влетит мне, если она узнает!

- Тогда лучше беги, с ребятами поиграй, - мне совсем не хотелось оставаться в одиночестве, и всё же я боялась за девочку. Мало ли, может Пелагея способна и родную дочь за непослушание проучить, не только осиротевшую падчерицу.

- И одну тебя тут оставить? – малышка упрямо нахмурила брови. – Ну уж нет! Ты вона как побелела! Дурно тебе?

А мне и в самом деле было дурно. Наверное, мачеха так вчера наколотила своей несчастной падчерице, что та получила сотрясение мозга. Интересно, а есть здесь у них какие-то правовые учреждения и нормативные акты? Уголовная ответственность, в конце-то концов? Покосившись на Дарёнку, одетую в простое ситцевое платье и косынку на голове а-ля Древняя Русь, я как-то начала в этом сильно сомневаться. А не занесла ли меня судьба куда-нибудь в далёкое прошлое моей родины? Не просто в другой город, а именно в те времена, когда сиротки вроде меня были бесправны, а мачехи, дорвавшись до отцовского состояния, могли делать и с ним, и с приёмными дочерьми всё, что угодно.

Хотя, вспомнив обстоятельства, предшествующие моему странному пробуждению в этом, кхм, мире, я поняла, что и раньше жила не в слишком-то уж цивилизованном обществе. И тётя Наташа – вторая жена моего отца, была ярким свидетельством этого.

Но девочку пугать не стоило, даже такую «взрослую» и боевую.

- Устала я просто, - улыбнулась ей я. – Отдохнуть надо бы. Вдвоём мы не убрали и половину курятника, но я чувствовала, что до свинарника дело уже не дойдёт. Испарина выступала на лбу, рана на виске вновь начала кровоточить.

- Пойдём, посидим немного на лугу, - предложила я Да-

рёнке, и та с радостью согласилась.

Мы вышли из дурно пахшего сарая и отправились на ближайшую зелёную лужайку, усевшись прямо на траву. Хотелось пить и есть, но просить об этом девочку я не стала – она, как я понимала, и так сильно подставлялась из-за меня. Не хватало ещё, чтобы Пелагея поймала её с поличным.

Наверное, я бы просидела так целую вечность, а вот Дарёнка, не прошло и пяти минут, принялась гоняться за яркими бабочками, что порхали здесь же, над лугом, в поисках красивых цветов. И всё, о чём я могла думать сейчас, глядя на эту милую пигалицу, что детство – это всё-таки лучшая пора жизни. У взрослых же всё было совершенно иначе.

Устав сидеть, я всё же опрокинулась на спину – наверное, у меня поднимался жар. Рана не заживала, а боль от неё только нарастала по всему телу, и очень хотелось спать. Решив, что пяти минут будет достаточно, я закрыла глаза.

А проснулась от истошного крика моей мачехи – правда той, что считала себя таковой здесь, в этом богом забытом месте.

- Чего разлеглась?! Али всё успела сделать?!

Я и глаз-то толком не успела открыть, как получила удар хлыстом, что обжёг меня подобно кипятку. Вскрикнув, я машинально сжалась, пытаюсь закрыться от следующего, но тут завизжала Дарёнка.

- Мамочка, не смей! Настасье и так плохо! – девочка вклинилась между мной и матерью, расставив руки в сторону и

не дав той хлыстнуть меня ещё хотя бы раз.

- А ну марш отсюда! – завопила та на дочь. – Против моего слова пойти вздумала?! Ну, я тебя сейчас!

И она замахнулась на дочь, как на меня секунду тому назад.

Та, взвизгнув, отскочила в сторону, и теперь пришла моя очередь закрывать её собой.

- Как можно?! Собственную дочь... - попыталась я воззвать к совести этой женщины, но откуда бы её там было взять.

Скрипнув зубами, она даже ощерилась, как злобный пёс, но всё же хлыстать больше не стала.

- Высечь бы тебя, как следует, - произнесла она, брезгливо рассматривая меня. – Да там сваты пришли. Иди-ка умойся, да приведи себя в порядок. Жених ждёт. А я как жду, чтобы поскорее от тебя избавиться! Не девка, а бельмо на глазу...

- Какой ещё жених? – пропустив всё прочее мимо ушей, я ухватила за самое важное. – Чей?..

- Твой, конечно! – хмыкнула старая ведьма. – Богдан, конечно же. Уж лучше тебе партии не найти!

- Фу! – скривилась тут же Дарёнка, тем самым вызвав гневный взгляд матери на себя. – Он же старый! И толстый... И... Не выходи за него, Настасья! Он...

- Тебя забыли спросить, мелочь! – рявкнула на неё Пелагея. – Сгинь с глаз моих и под ногами не мешайся! Нашлась, советчица сопливая...

Но та и не думала двигаться с места, теперь одними только глазами убеждая меня не делать этого. И почему-то Дарёнке мне верилось больше, чем её матери.

- Иди, говорю, собирайся! - вновь переключилась на меня мачеха. — Сваты вечность ждать не будут! Упустишь богатого жениха — я башку тебе оторву, дурище!

И ведь я знала, что она непременно выполнит свою угрозу. А потому послушно поплелась к дому.

Глава 6

Я шла, как во сне, озираясь по сторонам и будто бы вспоминая, что я и впрямь была здесь раньше. Наверное, это сознание той несчастной или же просто память тела Настасьи подсказывали мне путь.

Понятно, что ни о каком душе речи здесь и быть не могло. В лучшем случае меня ждала баня, в худшем – корыто с дождевой водой. А, возможно, и пруд – вряд ли здесь были сильно развиты средства цивилизации.

Дарёнка, задержанная матерью, чтобы, должно быть, получить словесную порцию ругани, вскоре догнала меня, запыхавшись.

- Помочь тебе? – сходу спросила она. – Или ты помнишь, где баня?

Всё-таки, баня...

- Помоги, - согласно кивнула я. – И принесли, пожалуйста, чистое платье и полотенце. – И чего там ещё нужно...

- Дык, там уже всё, - торопливо ответила девочка. – Мамка со сватами, видать, заранее сговорилась, раз баню топить деду Микишке с утра велела. Только ты, Настасья, не торопись! Негодный он, этот Богдан, не чета тебе!

- А я и не собираюсь за него замуж выходить! – самоуверенно заявила я. – У меня же есть выбор, правда?

Но сестрёнка неожиданно пожала плечами.

- Если уж мамка чего себе в голову вбила, то спорить с ней трудно будет. Со свету она тебя сживёт, Настасьюшка!

- Так, по-твоему, у меня выбора совсем нет?
 Та отрицательно покрутила головой.

- Не знаю. Жаль, что ты всё забыла. Ты ж его терпеть не могла, этого Богдана! Гадкий он, как жаба, которую я у болота видела. Он ещё батюшку уговаривал, чтобы тот тебя замуж за него выдал, но он ни в какую не соглашался! И ты не соглашайся. Лучше уж сбежать, чем с таким, как этот, клятвами обмениваться...

Я ничего не ответила, честно говоря, ещё не успев здраво осмыслить ситуацию. Пока мне приходилось плыть по течению, ведь я оказалась не совсем собой, заключённой в иное тело, в каком-то странном древнерусском месте, где я уже успела подвергнуться побоям со стороны злобной мачехи и обрести младшую сестрёнку. И всё это буквально за считанные минуты. А теперь ещё и замаячившее замужество с человеком, которого я знать-то не знала. Нет, конечно, предыдущей обладательнице этого тела скорее всего он был хорошо знаком, но... Но тот факт, что и умерший отец Дарёнки, и сама девочка были против такого жениха, заставляло задумываться о многом.

Конечно, пока что я подчинялась обстоятельствам и прощупывала почву, надеясь, что брак этот не будет вынужденным и я в любой момент могу отказаться, несмотря на угрозы Пелагеи. Всё-таки я была девушкой из двадцать первого

века, и у меня были свои мысли на этот счёт, не включающие в себя раболепное подчинение злобной мачехе. Правда, о том, что я не местная, никто больше не знал. Но моих сил и умений должно было хватить на то, чтобы противостоять этим тёмным людям, погрязшим в прошлой эпохе.

Когда мы подошли к низенькой баньке, нам навстречу из неё вышел сухонький горбатенький старичок – должно быть, то самый дед Микишка. Завидев меня, он широко улыбнулся беззубым ртом, и тут же махнул рукой, словно о чём-то сожалел.

- Пришла, Настасьюшка? – произнёс он тихим старческим голосом. – Я уж думал, старая карга тебя до смерти захлестала!

И, покосившись на Дарёнку, суетливо прикрыл свой рот ладонью. Но девочка, должно быть, привыкшая, что её мать здесь, мягко говоря, не любят, не обратила на его обидные слова никакого внимания.

- Всё хорошо, дедушка, - сияясь улыбнуться, произнесла я в ответ. Чувствовала, старичок искренне переживает, но от бессилия ничем не может мне помочь. – Готова баня?

- Готова, девонька, - ответил дед Микишка. – Эх, был бы Осип жив, не допустил бы он такого беспредела! Совсем старая из ума выжила, чтобы тебя, да за Богдана отдавать!

И опять так покосился на Дарёнку, словно подвоха от неё ждал.

А я против воли глубоко вздохнула, но ничего не ответи-

ла хотя бы потому, что не знала, кто такой Осип. Но тут на выручку вновь пришла сестрица.

- Осип – батюшка наш, - таким громким шёпотом, что слышал бы и глухой, пояснила она мне. А после обратилась к старичку. – Не помнит она ничего, дед Микишка! Мамка, видать, вчера ей так сильно по голове ударила, что память всю напрочь отшибло...

- Ох, ох! – запричитал сразу же дедушка, закачав седой головой. – Говорил я ему: не женись на Пелагее! До добра это не доведёт! Да куда там! Осип, акромья себя, никого в жизни не слушал. Говорил, дочке мать нужна. А оно вон как повернулось! И сам сгинул, и родную дочь подвёл. А теперь...

Из глаз старика покатались крупные слёзы. Я замерла, не зная, как поступить, а Дарёнка тут же бросилась его утешать, обнимая, да что-то успокаивающее приговаривая. Добрый старик, поглаживая её по голове и словно стыдясь этих слов, отводил от меня свой взор. А мне уже просто хотелось проснуться и никогда больше не засыпать...

- Ну, идём? – когда дед Микишка успокоился, Дарёнка взяла меня за руку и повела вглубь предбанника через такую низкую дверь, что мне пришлось хорошенько склонить голову. – Не стукнись, вот так...

Она вела себя порой так, словно на самом деле эта пигалица была моей старшей сестрой, а не наоборот. Что же, выбора особого у меня всё равно не было. Пришлось подчиняться.

- Скидывай одёжу, - распорядилась она, и я, испытывая некоторое смущение, разделась до гола. И вошла в баню, дыхнувшую мне в лицо жаром. Что же, хотя бы помоюсь по нормальному подумала я, но не тут-то было. Ведь только я собралась расслабиться, как услышала шум за дверью и крики Дарёнки, пытавшейся о чём-то меня предупредить. А после в баню, не стучась и совершенно не предупреждая о своём появлении, ввалилась моя нынешняя мачеха в сопровождении какого-то незнакомого мне мужика, в данный момент пожирающего моё обнажённое тело глазами.

- Вот, смотри, Богдан, товар лицом, - довольно осклабилась Пелагея, указав ему на меня рукой.

Но тот и головы не повернул в её сторону, вместо этого сделав ещё один шаг в мою сторону.

- Ну, здравствуй, Настасья...

Глава 7

Я обомлела, потеряв дар речи, не ожидая такого подвоха даже от Пелагеи. Конечно, я уже подозревала, что эта стерва способна на многое, но привести предполагаемого жениха ко мне в баню, когда я была абсолютно обнажённой... Это было слишком даже для неё! К тому же, прикрыться мне было нечем – одежда осталась в предбаннике. Тогда я, схватив деревянное корытце, в которое, судя по всему, обычно наливали воду, кое-как прикрыла им низ. А вот шикарные полушария попыталась укрыть рукой, но не так-то просто это было сделать.

- Что Вы себе позволяете?! – дрожащим голосом возвала я к разуму Пелагеи, в то же время наблюдая и за Богданом.

А тип-то и впрямь был мерзкий! Не врала мне Дарёнка, говоря, что он на жабу похож. Полный, какой-то неухоженный, с жирными мешками под маленькими глазками, так и зыркающими сейчас на меня. Такому дай волю – возьмёт силой тут же, и никакие мольбы не помогут. Сколько ему было лет, сразу понять не получилось. Наверное, что-то около сорока, а может и больше. В бане было жарко, но он то и дело облизывал пересохшие губы, видимо, предвкушая небывалое наслаждение с молодым телом. Моим телом...

От одной этой мысли стало горько и противно. А мачеха, будто не замечая того, обратилась к нему:

- Я вас оставлю тут ненадолго. Потолкуйте, познакомьтесь получше. Да только ты, Богдан, сильно не шали! Не пугай девку шибко...

Да и была такова, выскользнув за дверь, оставив меня, как есть, наедине с этим негодяем.

- Ээээ, эээ, - что-то заблеял он, приближаясь ещё на шаг. – Ну, иди ко мне, моя сладкая. Видишь, мамка твоя добро дала!

Я попятилась назад – благо, место ещё позволяло, на ходу пытаюсь найти то, что можно было использовать как оружие самозащиты.

- Никакая она мне не мамка! – выкрикнула я, продолжая пятиться. – Мать бы родная со своей дочерью никогда так не поступила!

- И то верно! – слащавый мерзкий голосок Богдана был настолько противным, что мне захотелось заткнуть себе уши, только чтобы не слышать его. – Но тебе всё равно бояться нечего, ведь мы скоро обвенчаемся, всё сделаю, как положено... А пока уж, извини, проверить хочу, так ли уж ты невинна, как мамка твоя говорит... Доверяй, но проверяй, как у нас говорят...

И он одним махом стянул с себя льняную простую рубаху, отбросив её в сторону, при этом обнажив свою покрытую седыми кудрявыми волосами грудь, лишь немногим уступавшую моей размером.

Я скривилась брезгливо, и всё же страх побеждал во мне

все иные эмоции.

- Ну же, Настасьюшка, иди ко мне, - продолжал настаивать Богдан. – Обниму приголублю... Больно будет, да это только вначале. Потом так сладко станет, что забудешь обо всём!

И он стал стаскивать с себя штаны. Правда, это не так-то легко ему далось, потому как маловаты они ему были, а влажный воздух баньки сделал своё дело, и застряли они у него на уровне коленок, не желая скользить по разопревшей коже.

Это был мой шанс, и я им воспользовалась, бросившись к двери, на ходу оттолкнув этого похотливого свина от себя. Он с грохотом упал на пол, да всё же сумел ловко увернуться и в последний момент ухватил меня за ногу, потянув на себя. Я, не ожидая, не смогла удержать равновесия и, поскользнувшись на деревянном полу, растянулась рядом, больно ударившись всем телом.

- Куда?! – взревел Богдан, наваливаясь на меня, обнажённую, всей своей массой. – Я за тебя столько золота отдал Пелагее, что теперь ты будешь делать всё, что я только пожелаю! Хватит сопротивляться! Теперь ты моя собственность!

Он заелозил на мне с понятными намерениями, а я, как могла, начала отбиваться, плотно сжав колени и замолотив по потной спине кулаками. Богдан не терял надежды, и хоть моё обнажённое тело не желало ему подчиняться, негодяй был сильнее, а я потихоньку начала выдыхаться.

Я задыхалась от тяжести и от осознания того, что вот-вот

случится непоправимое. Мало того, что мой первый раз должен был произойти вот таким ужасным образом, да ещё и с этим вонючим животным, возомнившим себя человеком. Так ещё и маячила перспектива того, что он, возможно, станет мужем несчастной Настасьи, в тело которой я была сейчас заключена. Если, конечно, насытившись любовными излияниями, не объявит, что невеста попалась бракованная и замуж он её не возьмёт, и это было вернее всего.

Почти отчаявшись, я стала искать наощупь, за что бы зацепиться, и мне под руку неожиданно попал какой-то железный предмет, по ощущениям – кочерга. Схватившись за него, как за последнюю надежду, я что есть силы приложила Богдана наотмашь, и это помогло.

Вскричав от боли, гадкий свин выпустил меня, хватаясь за ушибленную спину, и мне этого было достаточно, чтобы, вложив в рывок все силы, вырваться из его плена.

Благо, Настасья, то есть, я, была физически подготовленной девушкой, а потому, не совершая больше дурацких ошибок, я ринулась к двери, на ходу хватая из предбанника приготовленную мне одежду и полотенце. Но едва выскочив за пределы предбанника, я наткнулась на Пелагею, что шла мне наперехват с уже наливающимися кровью глазами.

- Куда?! – взревела она, явно намереваясь вернуть меня назад, в лапы того, кому мачеха меня продала. – А ну пошла к жениху, неблагодарная!

Позади послышался шум – это Богдан пытался догнать

меня, но медлил, потому как пытался натянуть всё ещё неподдающиеся ему штаны. Меня практически взяли в окружение, но тут откуда не возьмись выскочила Дарёнка и с криком бросилась под ноги матери.

Та, замешкав, растерялась и, не удержавшись, растянулась прямо на земле, сыпя проклятиями то на меня, то на родную дочь.

А я, больше не ожидая ни секунды, что есть силы рванула куда глаза глядят, то есть к лесу, что тёмной полоской виднелся вдали, не останавливаясь и не оглядываясь назад. И пусть меня, обнажённую, сейчас увидит половина деревни, зато честь моя останется при мне. «Сначала спастись – потом думать обо всём прочем» - решила я, не сбавляя темпа.

А дальше – будь что будет.

Глава 8

Я бежала с такой скоростью, с какой только могла. И даже, когда достигла леса, я не останавливалась, в глубине души понимая, что ни Пелагея, ни Богдан это так не оставят. Что-то пробуждалось в моей голове такое, похожее на память о прошлой жизни, не моей, а той, что принадлежала Настасье. Я словно вспоминала то, что должна была знать она, медленно, но верно, и воспоминания эти не сулили мне ничего хорошего.

Только глубоко забежав в лесную чащу, я позволила себе немного передохнуть. Вернее, сил бежать просто не осталось - я и так совершила потрясающий марш-бросок благодаря тому, что тело девушки, в котором я нечаянно оказалась, было физически выносливым, привыкшим к таким нагрузкам. Однако и у него был свой предел.

В боку колело и страшно хотелось пить. Перед глазами плясала белая рябь, и всё же я была жива, невинна и относительно свободна. Улегшись прямо на траву, я попыталась расслабиться, но в голову тут же поползли воспоминания о совсем уж недавних событиях, произошедших со мной. Тело всё ещё ощущало неприятную близость с Богданом, его запах пота, исходящий от тела и вонь гнилых зубов изо рта. Мне сделалось дурно и рвотные позывы сотрясли моё тело, но желудок был пуст, а потому вскоре это прекратилось. Ещё

больше разболелся раненый Пелагеей висок.

И тогда от бессилия и испытанного стресса я разревелась, позволив слезам вырваться наружу. Слишком много неприятных событий свалилось на мои хрупкие плечи, и я просто боялась не справиться с этой тяжестью. Однако вскоре миг слабости прошёл, я наревелась вдоволь, а после, одевшись в смятую одежду, что мне удалось утащить из предбанника, я поднялась на ноги, твёрдо намереваясь найти хоть какой-нибудь выход из этой ситуации.

То, что возвращаться домой – если это место можно было назвать домом, мне было нельзя, я понимала отчётливо и не собиралась этого делать. Лучше уж сгинуть в лесу в лапах медведя или иного хищника, чем ещё раз испытать подобное под грузным телом Богдана. А в том, что это повториться вновь, я не сомневалась. Слишком уж алчной была моя здешняя мачеха, а «женишок» и того подавно. Боюсь, золото, которое он ей за меня заплатил, теперь станет предметом их долгого раздора, но вот как раз этот момент абсолютно меня не волновал. Пусть хоть поубивают друг друга за него, мне не жалко.

А вот о Дарёнке я весьма волновалась. Не было никаких сомнений, что ей попадёт за недавнюю выходку – ведь это именно благодаря моей отважной сестрёнке, задержавшей Пелагею, мне удалось сбежать. И несмотря на заверения Дарёнки, что родная мать её пальцем не трогает, я подозревала, что на этот раз Пелагея не сдержится. А ведь она была

страшна в своём гневе...

Оставалось только надеяться, что боги смягчат её сердце, ведь Дарёнка, по сути, была всего лишь ребёнком, переживающим за свою старшую, пусть и лишь на половину родную ей, сестру.

Так, пребывая в невесёлых раздумьях, я набрела на лесной ручей, с жадностью припав к его водам. Напившись досыта, я умыла лицо свежей, прозрачной водой, ощутив сразу же прилив сил. Благо, на улице стояло лето, а, значит, можно было попробовать отыскать ягод, чем я и занялась сразу же после того, как закончила с водными процедурами.

Попытавшись запомнить расположение этого волшебного ручейка, я отправилась на поиски съестного, и очень скоро нашла полянку с земляникой. Ягоды были спелые, сладкие, и я вдоволь наелась ими, конечно, немного сожалея, что сытость от них пройдёт намного быстрее чем, скажем, если бы я съела кусочек мяса. Но была благодарна и этому, потому как голодная смерть мне уже не грозила.

- Спасибо, батюшка Леший! – произнесла я громко, сама не зная почему. Просто эти слова пришли мне на ум и вырвались сами собой.

Леший, разумеется, мне не ответил. Лишь лёгкий ветерок качнул ветки ближайших берёз и дубов, ласково обдав моё лицо своим свежим дыханием.

И несмотря на то, что для меня пока всё складывалось удачно в такой непростой ситуации, на душе было тоскли-

во и пасмурно, ведь пойти больше мне было некуда. Наверное, осознание этого удручало меня особенно: ради чего моя душа, моё сознание переместилось в это тело, если здесь всё было ещё хуже, чем там, в моём родном мире? Возможно, это произошло случайно – в великой Вселенной произошла какая-то ошибка или она просто так зло пошутила надо мной? Я не знала. И всё же мне было обидно до слёз, которые опять непрошено подступали к глазам.

Однако момент жалости к себе прервал едва различимый хруст веток, и я тут же насторожилась, забыв обо всём, кроме вероятной опасности. Конечно, в лесу никогда не было настолько тихо, чтобы можно было говорить об этом – он всегда жил своей жизнью, полной и трудолюбивой. Но именно сейчас мне показалось, что за мной кто-то наблюдал, и страх заговорил во мне опять в полную силу.

Я замерла, пытаясь не шевелиться, и всё же разумно предположила, что это вряд ли могут быть мои преследователи – ни Пелагея, ни Богдан, не стали бы прятаться по кустам, выжидая чего-то. Они бы попытались схватить меня сразу же, ибо ни смекалкой, ни особой сообразительностью ни один, ни вторая не обладали.

И всё же тут кто-то был...

Приглядевшись, я заметила какое-то движение в кустах орешника, а после увидела того, кто там скрывался. Я разглядела только его вытянутую морду, приподнятые уши и едва шевелящийся нос, улавливающий мой незнакомый для

него запах. Большой пёс с умными глазами тоже заметил, что я раскусила его секрет, но продолжал настойчиво изучать меня, словно я была каким-то редким музейным экспонатом.

- Эй! Не ешь меня! – на вскидку оценив свои возможности, я знала, что от него убежать мне точно не получится. – Слышишь? Я не вкусная!

Но тот, словно восприняв мои слова, как призыв к действию, выскочил из кустов, и одним махом преодолел разделявшее нас расстояние. Я закрыла глаза, готовясь к неминуемому. А ещё через миг почувствовала тёплое дыхание на своём лице. Секунды превратились в вечность, но пёс не напал.

И тогда я вновь рискнула взглянуть на него, но опоздала: тот уже почти скрылся из виду, не причинив мне ничего дурного. В зарослях орешника мелькнул его серый хвост. И вот, как только я увидела его, скрывающегося от меня, то схватилась за голову.

Это был не пёс! Это был самый настоящий волк, который мог запросто меня сожрать, приди ему на ум столь гениальная идея.

Но почему-то не сделал этого. Невольно сравнив хищника со своей мачехой и Богданом, я вдруг отчётливо поняла, что некоторые животные намного человечнее людей. И доказательство того я только что прочувствовала на своей шкуре.

Глава 9

- Дура старая! – Богдан, багровый от гнева, ударил по деревянному крепкому столу кулаком с такой силой, что посуда, стоявшая на столе, звонко подскочила.

- Сам дурак! – Пелагея не лезла за словом в карман и терпеть подобного отношения не была намерена. – Держать надо было лучше!

- Да как бы я её удержал?! – возражал ей разгневанный «жених» Настасьи. – Она как молодая кобыла! Взбрыкнула – и была такова!

- Дык, если ты, старый жеребец, на молодую глаз положил, так и силы надо было свои рассчитывать! А не на других теперь пенять!

- И что же теперь делать-то будем? – спросил Богдан у Пелагеи, тараща свои маленькие, заплывшие жиром, глаза. – Не сыщется девка – всё, до копейки вернёшь!

- Держи карман шире! – жаба так и душила злобную махеху – за столько денег она, пожалуй, и родную дочь бы продала, не то, что ненавистную падчерицу. – Сам упустил, сам виноват!

Оба замолчали, понимая, что зашли в тупик. Пелагее очень уж не хотелось расставаться с золотом, полученным за «товар», который Богдану так в результате и не достался. А тот был очень раздосадован тем, что не получил желаемое,

хотя был к этому так близко, что обида получилась вполне осязаемой.

- Ладно, не серчай, - решила всё же успокоить его Пелагея.
- Куда Настасье деваться? Нагуляется и домой придёт! Тут-то мы её тёпленькую и сцапаем...

- А ежели заблудится? Да на волков нарвётся? Нет, так дело не пойдёт. Самим искать надо! - замотал головой Богдан.

- Вот привязался! - брякнула злобная баба. - И чего ты в ней только нашёл?

Тот же, вспоминая ладное обнажённое тело Настасьи, что едва не заполучил силой, облизал вмиг пересохшие губы и нервно сглотнул. Чего нашёл... Понять ли то глупой бабе, что давно он на неё зарился? Хороша была девка! С лица бела, темна с волоса! Стройная, да что надо, всё на месте. Желал он её так, что ночами порой мучался, в кровати до рассвета возился. Была она его мечтой давно, да отец Настасьи - Осип, между ними стоял, ни в какую на свадьбу не соглашался, хоть Богдан и ни раз, и ни два оббивал пороги его дома с предложениями руки и кошелька. Сколько угодно готов был заплатить, да только старый хрыч и слышать о том не хотел, чтобы свою лебёдушку за своего ровесника отдавать, пусть и каталась бы она у него, как сыр в масле. А всё же без любви, Осип говорил, никаких денег не надо!

И как же ему, дураку, было объяснить, что никакую другую девку Богдан так не желал, как Настасью? Штаны порой рвались, словно сглазил кто. Словно приворожила она его,

так он её хотел!

И когда отправился к праотцам старый Осип, Богдан чуть ли не в пляс пустился. Знал он, что Пелагея намного сговорчивее своего мужа будет, тем более что ненавидела она старшую его дочь лютой ненавистью — за то, что молода была, да собой хороша, ведь сама она и по молодости до середнячка не дотягивала. А потому поскорее от девки избавиться хотела, чтобы та глаза своей красотой ей не мозолила.

Но и Пелагея поначалу ломалась, цену себе набивая. Однако, когда Богдан озвучил сумму, которую собирался заплатить за своё деяние, быстро согласилась. Конечно, первоначально предполагалось, что за эти деньги Настасья под венец должна пойти будет. А то, что произошло в бане, случилось спонтанно. Не сдержался он, да и уговорил Пелагею пораньше с будущей женой, так сказать, познакомиться. А мачеха, как оказалось, против не была. Всё решил ещё один мешочек с золотом поверх того, что уже было уплачено...

В общем, счастье было близко. И если бы не его собственная неповоротливость, да тупость Пелагеи, сейчас Богдан был бы уже на седьмом небе от счастья. Но получилось всё иначе.

- Не твоё дело, что нашёл! — от досады рывкнул он, поднимаясь из-за стола, за которым происходил их спор. — Пойду людей своих соберу, да собак отвяжу! До ночи отыскать её надобно... Чую, сгинет девка! И не вам, и не нам получит-ся...

- Да брось! – хмыкнула Пелагея. – Куда ей деваться? Придёт, вот увидишь! Сама явится, да в ножки бросится, умолять будет её простить!

Но тот, стиснув зубы, ничего не ответил и направился к выходу. Что с глупой бабой толковать, ежели разумом та скудновата? Ей, может, и лучше было бы, если падчерица в лесу сгинула – деньги-то она получила, а вот ему ничего не досталось, кроме проблем, да головной боли. А потому следовало поторопиться.

Пелагея тоже удерживать его не стала – наверное, даже обрадовалась, что тот уходит. А ещё больше она была бы рада, если бы и Богдан в лесу сгинул, тогда вообще проблем не осталось. Но он, зная ближайший лес, как свои пять пальцев, блуждать в нём не собирался.

Конечно, там, дальше, начиналась незримая граница княжеских земель, на которую им, простым смертным, ходить было запрещено. Но Богдан был уверен, Настасья до туда просто не доберётся, обессилев или побоявшись. И он подоспеет вовремя.

Предстоящая «охота» на сбежавшую «невесту» только распалила его задор, и ему уже нравилось, что обстоятельства сложились именно таким образом. Будучи охотником до мозга костей, он знал, что добыча будет вдвойне вкуснее, если, охотясь за ней, придётся немного попотеть. Так же было и с Настасьей. Богдан уже предвкушал, как найдёт её, ослабленную, в лесу. Как сорвёт с неё одежду и возьмёт

прямо там, на лесных травах, если позволят обстоятельства и не будет никого лишнего рядом. От предвкушения даже челюсть свело, и мужчина ускорил шаг, намереваясь выехать как можно скорее.

Глава 10

К вечеру мне стало совсем невмоготу. Усталость от трудного дня навалилась вперемешку с жаром, рана на виске опять открылась, и как бы я не пыталась унять кровь с помощью подорожника, липкая густая жидкость не желала униматься, и только добавляла проблем.

Но о том, чтобы вернуться в так называемый дом, я даже не думала. Вернее, отмела эту мысль сразу же, ведь я понимала: ничего хорошего меня там не ждёт. Мачеха или опять побьёт до полусмерти, либо подсунет под ненавистного «же-нишка» - и то, и другое было нисколько не предпочтительней смерти. Нет, я очень хотела жить! Но только не ценой побоев и унижений. Уж лучше сгинуть здесь, в лесу, чем вновь терпеть подобное к себе отношение.

Привалившись спиной к стволу дерева, я пыталась думать о хорошем. О своём отце, что остался в прошлом, и о маме, которую я не помнила. Целый день я провела в дороге, намереваясь как можно дальше уйти от Чудновки, ведь ничто меня там не держало. Я переживала лишь за сестрицу, но не могла даже себе помочь, не то, что ей.

Звуки ночного леса настораживали меня, но не пугали. Хруст веточек, деятельное копошение ночных насекомых, даже далёкое уханье совы – со всем этим я могла свыкнуться. А вот звуки погони, что я ожидала услышать каждую се-

кунду, пугали меня намного сильнеей.

Стоило подремать, но тревога за свою жизнь и ночная прохлада не давали как следует расслабиться. Однако слабость и усталость взяли своё, и я провалилась в сон, тревожный и вязкий, как та самая тьма, что сгущалась вокруг меня в последнее время.

А проснулась в крошечной темноте от того, что услышала лай собак. Тело мгновенно прошиб озноб, и я прислушалась, надеясь, что мне показалось. Но гомон и в самом деле приближался, и в глубине души я знала: это за мной пожаловал Богдан, не желая расставаться со своим золотом вхолостую.

Что делать? Бежать? Или затаиться? Сквозь стук громко ударявшего в висках сердца я всё никак не могла решиться на то или иное. Но время поджимало: собаки вот-вот могли учуять мой след. Я уже слышала их всё ближе и ближе, мне начало казаться, что они почти настигли меня...

И тогда я, не выдержав, сорвалась с места. Возможно, это было моей ошибкой, но в тот миг я уже не могла больше ждать. Бежать! Бежать сквозь тьму и боль, что так и не отпустила моё тело. Но если бы я сейчас остановилась, то, возможно, распрощалась бы с жизнью или, хуже того, со свободой. А этого допустить было никак нельзя.

- Вон она! – закричал кто-то, размахивая факелом, что был подобен солнцу в ночи, и дружная звериная стая вместе с людьми устремилась в мою сторону. – Стой! Кому говорят, стой!
Но я ещё была в своём уме, а потому так просто

сдаваться не собиралась. Хотя и понимала, что оторваться от целой стаи натасканных гончих просто бы не смогла...

Бежать практически наощупь было тяжело, ветви деревьев так и норовили ударить по лицу, а, обернувшись один раз, я поняла, что дело плохо. Мои преследователи буквально наступали мне на пятки, ведомые собаками, для которых я была подобно добыче, которую они привыкли загонять всё это время.

- Настасья! – громкий победоносный голос Богдана раздавался уже совсем близко. – Остановись, глупая, пока ноги не переломала! Всё равно ж догоню, да только цела хотя бы будешь!

Я не отвечала. Было не до того, и время делилось уже на секунды, хранящие мою свободу от этого человека. Лес неожиданно стал гуще, и пробираться стало труднее, но всё же мне, худенькой, да юркой, это было проще, чем тем, кто пытался меня догнать.

Бежать, бежать, не останавливаться...

В какой-то момент даже показалось, что мне повезло. Позади всё смолкло и я решила передохнуть, хотя бы несколько секунд перевести дыхание и дать отдых дрожащим от быстрого бега босым, порядком израненным ногам. Но это было явной ошибкой. Откуда же мне было знать, что Богдан и его люди буквально загнали меня в ловушку, теперь подбираясь ко мне сразу с двух сторон!

От бессилия и отчаяния я предприняла новую попытку к

бегству и, рванув в ближайшее кусты, со всей силы наскочила на кого-то, закричав от страха. Свет померк в тот миг в моих глазах, когда сильная и властная рука, скорее, по инерции, прижала меня к себе, не давая и шелохнуться. Я заби-лась, как муха в мухоловке, да только хватка держащего меня человека была настолько сильной, что я враз растеряла весь свой пыл.

А после замерла, услышав за спиной запыхавшийся голос Богдана, что тоже не ожидал такого поворота событий.

- А ты ещё кто такой?! А ну, отдай девуку! Она моя!

Значит, это был не один из его людей. Всмотревшись во тьму, я увидела, что и за ним из лесу стоит небольшой отряд, внимательно наблюдающий за развитием ситуации. Вот это я попала!

Могучий по размерам человек, крепко державший меня, не спешил отвечать зарвавшемуся деревенщине, но тот, видать, растеряв последний ум, вновь кинулся на него с угрозами:
- Оглох, что ли?! Говорю, невеста моя! Я полдня за ней по лесу гонялся! Отдай, подобра-поздорову, пока не...

- Всё, что находится в моём лесу, принадлежит мне, - низкий голос мужчины перекрыл злое твяканье Богдана. – Уби-райся, пока шкуру не спустил, за то, что вошёл в мои владения без спросу!

Тот, вжав голову в плечи, не хотел так просто отступить, хотя и заметно струхнул.

- Я уйду. Но поначалу заберу её! – взвизгнул он. – Будь

ты хоть сам князь, я...

- А я и есть сам князь Володар! – громко рявкнул на него богатырь, и я, чувствуя, что схватка ослабла, в следующий миг своими глазами узрела, как он исчез, а вместо него возник огромный волк, что, приземлившись рядом с Богданом, грозно осклабил зубы. Откуда он взялся и куда делся князь, я понятия не имела, но тогда было не до того.

Однако Богдан, пожав хвост, как и его люди, и псы, рванул обратно так быстро, что только пятки засверкали.

Я же, не до конца осознав, что происходит, в бессилии опустилась прямо на землю. Но расслаживаться долго мне не дали.

Князь – если это и в самом деле был он, появившийся вновь в поле моего зрения, одарил меня лишь коротким суровым взглядом, и приказал своим сопровождающим:

- Девку – ко мне, - и больше не обращая на меня никакого внимания, зашагал прочь.

Глава 11

Свет мелькал в глазах сквозь неплотно прикрытые веки, отдаваясь яркой каруселью вспышек и без того уставшего сознания. Тряска слегка напрягала, вызывая тошноту, а это значило, что перемещалась я не сама. Кто-то нёс меня на руках сквозь чащу темного леса, и могучие стволы-великаны провожали меня словно в последний путь, а факелы, что и несли тот самый свет, были словно предвестниками тризны.

Ну вот что за дурацкие мысли порой лезли в мою голову? Может быть, всё было не так уж и плохо, как казалось поначалу. Я была жива, а это уже было много. А дальше... дальше я намеревалась действовать по обстоятельствам.

Я подбадривала себя, как могла, и всё же в глубине души понимала, что просто не будет. Да, мне удалось сбежать от Пелагеи и даже от Богдана, но в чьи теперь захапистые лапы я угодила? Тот богатырь со стальными мышцами, что удерживал меня в лесу, сказал, что он князь. «А если нет? - закралась в мою голову предательская мысль. - Если он очередной охотник до моего тела?»

Но сейчас, в этот самый момент, я была настолько обессилена, что не могла даже стоять на ногах. А силы следовало бы подкопить, потому как я откровенно не знала, что меня ждёт там, куда тащили меня эти люди. Возможно, очень скоро мне вновь потребуется бежать, а потому я позволила себе

забыться, провалившись в глубокий сон без сновидений.

Однако вскоре что-то вновь разбудило меня. Мужчина, нёсший меня на руках, легонько покачал меня, как младенца, и громко спросил:

- Сама дальше идти сможешь?

Я не знала, но кивнула ему, и тут же почувствовала под ногами твёрдую землю. Было всё так же темно, но сейчас перед нами вырос огромный деревянный забор, собранный из высоких брёвен, и постовые на вышке уже обменивались парой слов с пришедшим только что отрядом – то есть с тем, с которым я сейчас была.

Вокруг был тот же лес, но сквозь распахнувшиеся перед нами ворота я увидела целый город по ту сторону бревенчатого забора – множество домов перемешались с огромными теремами, намного больше того, в котором раньше жила Настасья и в котором мне так и не довелось побывать. Благодаря многочисленным факелам, горевшим практически у каждого дома, я могла рассмотреть общие моменты, без деталей, и понимала, что это самый край, начало этого поселения, потому как конца ему точно видно не было.

- Иди, - мягко подтолкнул меня в спину провожатый.

И я, опомнившись, медленно пошла туда вслед за остальными.

- Где мы? – наконец, решила спросить я, но мне никто не ответил. Провожатый так вообще сделал вид, что он глухой, потому как даже головы не повернул в мою сторону.

Понятное дело, настаивать я не стала, всё ещё не зная, на каких правах я здесь оказалась. План был тот же, что и в случае с Пелагеей – сначала следовало помалкивать и приглядеться, а уж потом...

- Куда её? – спросил мужчина, что держался всё это время рядом, вот только мне было непонятно, у кого, и я только сейчас, в относительном свете, созданным огнями факелов, смогла разглядеть его лицо – немолодое, суровое, с грубыми чертами и шрамами, которые полагалось иметь всем воинам.

- Пока отведи её в Женский дом, Вадим, - властно ответил ему уже знакомый мне голос, принадлежавший самому князю, если это был он. – А после я решу...

Что это был за «Женский дом» такой и что ещё должен был решить этот громила, я не знала. Но мне сделалось страшно, однако всем было откровенно плевать. Вадим – тот самый, что нёс меня на руках всю дорогу, так же бесцеремонно схапал меня за руку и повёл куда-то в сторону домов, но на этот раз я отчаянно запротивилась.

- Куда? Куда вы меня ведёте?! Не хочу...

Тот, развернувшись всем торсом, чтобы взглянуть мне в глаза, удивлённо вытаращил на меня глаза.

- Дык, ночь на дворе... Не на улице же тебя оставлять ночевать, как собаку какую-то бездомную, в самом деле!

- А там? Там что?! – продолжила пытаться я его. – В этом доме...

Моя фантазия уже нарисовала мне такие сцены, от кото-

рых волосы могли встать дыбом, если бы не были столь спутаны и грязны.

- Бабы, да девки... Прислуга князя! – пояснил мне, наконец, Вадим, и от сердца немного отлегло. – Не бойсь, намоешься, переоденься, да поешь. А там князь решит, куда тебя пристроить.

Этот Вадим говорил так спокойно, так просто, что ему просто невозможно было не поверить. Я успокоилась ровно настолько, чтобы в молчании проделать остаток пути до нужного дома, а там он и впрямь передал меня на поруки вышедших на шум девушек, что с любопытством обступили мою скромную персону со всех сторон, рассматривая, как какую-нибудь диковинку.

- Князь Володар велел вам о ней позаботиться! – с ходу, не здороваясь, доложил им Вадим. – Так что уж смотрите, не подведите Его светлость!

И так же быстро поспешил покинуть это заведение.

Внутри было тепло и пахло свежими пирогами с яблоками, молоком и мой желудок тут же напомнил мне о том, что пора бы покушать. Но девицы – а это были именно молодые девушки, мои ровесницы или чуть старше меня, ещё не насладились увиденным зрелищем.

- Какая же ты грязная! – ахнула неожиданно одна, худенькая блондинка с белёсыми ресницами и бровями. Её подружки, заохав и заахав, тут же, словно сороки, принялись на все лады обсуждать эту тему, не стесняясь, показывая на меня

пальцем, но тут балаган был нарушен вышедшей из глубины дома женщиной в годах.

- Тише вы, разгалделись! – прикрикнула она на них сурово, но не жестоко, однако девушки тут же замолчали, послушавшись её.

И тогда она сама подошла ко мне, а я замерла, не зная, что теперь ожидать.

Глава 12

Но глаза женщины залучились добром и теплотой. Она, протянула ко мне ладонь, коснулась ей моей щеки и жалостливо произнесла:

- Бедненькая. Натерпелась...

Я, почувствовав, как ком встаёт в горле, минута слабости, и мои глаза наполнились слезами. И, как бы я не пыталась с ними справиться, они вырвались наружу лесными ручьями, с всхлипами и рыданием.

- Ничего, ничего, - женщина взяла меня под руку и повела к столу. – Сейчас поешь, умоешься, а там... Девки! А ну, живо, накормить-напоить новенькую!

Девушки сразу же засуетились, бросившись кто куда, и передо мной на столе тут же возникла пшённая каша с молоком, пироги с яблоками, да печенью, а ещё капуста квашеная с каплей маслица. И несмотря на то, что я еле ноги волочила, запах пищи пробудил во мне такой зверский аппетит, что я, не стесняясь, набросилась на всё это, забыв и о приличиях, и о том, что нахожусь в чужом доме. Но голод, как говорить-ся, не тётка, и тот факт, что я не знала, когда у меня будет следующий приём пищи, заставлял меня не просто наестся вдоволь, а так, чтобы совсем немоготу стало.

Всё это время моя пожилая «наставница» сидела рядом, снисходительно поглядывая на меня и периодически шика-

ла на других девушек, что с любопытством высовывали свои носики из двери, что вели, должно быть, в общую спальню. Но мне пока было не до них, и лишь когда я поняла, что больше съесть ничего не смогу, то начала осторожно осматриваться, пытаюсь понять, что меня здесь ждёт.

Бревенчатые стены трапезной, в которой я сейчас находилась, были покрыты смолой или чем-то вроде того, потому как блестели и имели приятный желтовато-оранжевый свет. Печка была не большой и, видимо, служила лишь для обогрева – готовили явно не здесь, а в другом месте, потому, как и столы, стоявшие друг возле друга, были покрыты чистыми скатёрками, без следов муки или других продуктов.

- Меня зовут Ненила, - не переставая наблюдать за мной – должно быть, я сейчас больше напоминала дикого зверька, представилась пожилая женщина. – А как твоё имя?

- Наст... - я запнулась, едва не произнеся своё уменьшительно-ласкательное имя из прошлой жизни. А потому, вовремя притормозив, представилась так, как звали прежнюю обладательницу этого тела. – Настасья.

- Настасья, - задумчиво повторила за мной Ненила. – Значит, так тому и быть... Пойдём, я покажу тебе, где ты будешь спать...

Я послушно поднялась со своего места и последовала вслед за ней, хоть мне и было сейчас тяжело идти из-за передания и усталости. Но выбора всё равно не было. Стайка девушек отправилась за нами следом – наверное, я и впрямь

была для них какой-то диковинкой. Хотя, как я могла судить о том, о чём откровенно не имела абсолютно никакого понятия? Сказочный мир, в который меня угораздило угодить, мог преподнести ещё и не такие сюрпризы.

Сам Женский дом, судя по всему, имел несколько комнат, и я очень надеялась, что меня не «поделят» к кому-то ещё. Так хотелось побыть одной после всех своих злоключений, хотя бы ночью, но меня ждало разочарование. Спальня у девушек, судя по всему, была общей. Об этом свидетельствовал ряд кроватей, стоявших достаточно близко одна к другой, в самой большой по размерам комнате. И, само собой, на отдельные «апартаменты класса люкс» рассчитывать мне не приходилось.

- Вон та, что у стены, свободна, - указала мне рукой на самую дальнюю кровать Ненила. – Можешь её занять.

- Спасибо, - я, кивнув, уже хотела было отправиться к ней, но женщина остановила меня.

- Сначала было бы неплохо помыться...

Я, если честно, думала о том же самом, но пока боялась даже заикаться о каких-то там своих потребностях.

- Баньку топить поздно, это мы так целую ночь провозимся, - будто сама с собой, рассуждала Ненила. – Светланка, нагрей-ка воды, да поживее! А ты, Лучезара, принеси ушат побольше... Сейчас искупаем нашу красавицу!

Названные девушки, как и в прошлый раз, кинулись выполнять указания своей старшей, и вскоре прямо в сенях –

благо, на улице стояло лето и было тепло, для меня было сооружено «купальное место» - деревянный тазик, из которого валил пар, так и манил поскорее забраться в него.

- Раздевайся, раздевайся! – смешливые девицы, закружив меня, принялись стаскивать с моего тела те лохмотья, в которые превратилось после погони моё платье. – Ну же, давай, снимай...

Я, поборов стеснение, позволила им раздеть себя и, прикрыв завидную грудь руками, осторожно вошла в горячую воду. Поначалу она показалась мне просто огненной, но вскоре кожа привыкла, и я испытала самое настоящее блаженство, когда девушки, продолжая веселиться, принялись тереть меня мочалками из лыка, стирая всю ту грязь, что покрывала моё тело с ног до головы. Только рану на виске защищало так, будто кипятком на неё плеснули, но отказываться из-за этого от такого удовольствия, как мытьё тела, я не собиралась.

Девушки помогли мне намыть и густые волосы, после обдав их отваром каких-то пахучих трав, и я уже поднялась, чистая и счастливая, чтобы покинуть ушат...

И в этот момент мы все услышали скрип отворяющейся двери, явивший нам на пороге самого князя Володара...

Глава 13

Я ахнула, пытаюсь прикрыться, да вот только кроме рук, у меня для этого ничего не оказалось. Второй раз за день оказаться нагишом перед незнакомым мужчиной во время купания – это было чем-то невероятным, в плохом смысле слова. Но то был жирный свин Богдан, от которого мне практически без труда удалось убежать. А это – сам князь, и я пока не знала, что мне от него можно было ожидать. Не просто же так он сюда явился...

Девушки-веселушки замерли, не в силах пошевелиться, а Ненила, схватив с лавки полотенце, осторожно протянула его мне. Но взять его я не успела. Володар резким движением перехватил его, а после, махнув рукой, приказал всем разом:

- Пошли все прочь!

Я, испуганно оглядевшись, поняла, что и старшая женщина, и девушки спешно покидают сени. И хотела было двинуться следом, но князь преградил мне путь.

- Не ты...

И подошёл ко мне ближе.

- Выпрямись. Руки убери...

Я думала, что со стыда сгорю, подчиняясь ему, однако выбора у меня особо не было. Закрыв глаза, я убрала руки от груди и того потаённого местечка, что находилось внизу живота, готовясь к неизбежному. Да, с этим бы я точно не спра-

вилась, как бы не сопротивлялась. Видела уже его в деле, когда он на Богдана зарычал, да так, что тот, поджав хвост, дал стрекоча. Куда уж мне, молодой девице было с таким тягаться! И всё же без боя сдаваться я не собиралась...

Какое-то время ничего не происходило, и я рискнула взглянуть на Володара, нечаянно встретившись с ним взглядом. И моё тело задрожало, охваченное неясным трепетом, от которого мне стало ещё более стыдно. Но как он смотрел... Как смотрел! В его глазах, тёмном, глубоком взоре, плескалось истинное желание. И хоть мне и не доводилось бывать с мужчиной раньше – как и Настасье, но я почувствовала, черпнув информацию где-то на уровне интуиции, что это она – жажда обладать молодым, ещё никому никогда не принадлежавшим телом.

Рук князь не распускал, но разглядывал меня с ног до головы, словно товар на ярмарке, каким-то голодным звериным взглядом, задерживаясь на тех местах, что до свадьбы и мужу-то показывать не полагается. Но ему здесь на правах главного, видимо, позволялось всё...

В какой-то миг он, наклонив голову прямо к моей шее, втянул с неё запах, а после медленно выдохнул воздух, обдав меня горячим дыханием. И мне показалось, что вот-вот это произойдёт... Но вместо этого Володар отступил на шаг назад и хрипло произнёс:

- Девица, значит...

И грубо сунул мне в руки полотенце, которое раньше ото-

брал у Ненилы. Уговаривать меня было не нужно, я тут же закуталась в него, сразу же почувствовав себя более уверенно.

Князь же, тяжело дыша, пытался погасить в себе пожар желания, и я видела, с каким трудом ему это давалось. Он не тронул меня. Но расслабляться было рано. И я, наконец, выбравшись из ушата, уставилась на него взглядом, полным тревоги, выражавшим лишь один вопрос: что дальше?

- Значит, так, - хрипло начал князь, наконец, совладав со своей мужской сущностью, усмирив её здравым смыслом. – Что делать умеешь?

Я захлопала глазами, не зная, что именно он хочет от меня услышать.

- В каком смысле?

- Шить, прясть умеешь? Готовить?

А я понятия не имела, могла ли всё это делать Настасья, а потому просто промолчала.

- Ладно, - не став допытываться большего, произнёс Володар. – Пока будешь работать в тереме, на подхвате, или где там твоя помощь пригодиться. Прости, но за красивые глаза мы тут никого не кормим, а потому...

- Я поняла! – бодро воскликнула я, спешно соглашаясь. – Сделаю всё, что от меня потребуется...

- Так уж и всё? – как-то странно усмехнулся князь и его взгляд опять потемнел. – Ты уж давай поосторожнее со словами...

Я кивнула, на этот раз держа язык за зубами.

- В моём доме ты под моей защитой, - продолжил князь.
- Но и сама будь осторожней. Парни у нас буйные, горячие. Не доглядишь – и недолго девицей тебе останется быть. Поэтому зря хвостом не крути, да язык не распускай. Одевайся поскромнее.

- У меня совсем нет одежды, - робко подала я голос, не чтобы пожаловаться – а чтобы сказать всё, как есть. – Ничего нет...

- Об этом не беспокойся, - согласно кивнул князь. – Ненила даст тебе всё необходимое, а ежели чего не хватит – ко мне подойди, я разберусь.

И, развернувшись, направился к двери, лишь перед самым выходом обернувшись и ещё раз окатив меня голодным звериным взглядом, от которого у меня опять мурашки побежали по коже.

Едва дверь за Володаром закрылась, Ненила в сопровождении своей «птичьей» стайки показались из комнат, с любопытством осматривая меня – видать, искали синяки или что-то в этом роде.

- Все спать, немедленно! – тут же прикрикнула на них старшая, подходя ко мне ближе и приобнимая за плечи. – Ты как? Что от тебя хотел светлейший?

Её лицо заранее выражало сочувствие, но стыдиться мне было нечего.

- Сказал, чтоб в терем завтра приходила. Работать...

Женщина понимающе кивнула, успокоившись.

- Значит, приглянулась ты ему, - погладив меня по плечу, сказала она. — Князь наш суровый, но справедливый. За так обижать не станет... Ты, главное, его не гневи и во всём слушайся. Тогда и он тебе защитой и опорой будет.

- Зачем ему это — помогать мне? — решила, наконец, спросить я. — Ведь я даже не из вашей деревни...

Ненила понимающе кивнула.

- Есть у него на то свои причины, милая. Всем он обездоленным, да обиженным помогать стремиться. Да не забивай ты этим свою голову. Наше женское дело маленькое... А ты ложись лучше спать, завтра с рассветом уже в тереме быть надобно, раз Володар так распорядился.

И я, широко зевнув, не могла с этим не согласиться...

Глава 14

Думала, не усну на новом месте, но будто провалилась в бездонную яму. А глаза открыла с первыми петухами, когда и другие девушки уже поднимались со своих кроватей, заправляя их, готовясь к новому дню. Жизнь в деревне – это не бешенный ритм города, когда нужно вскакивать под звон будильника, чтобы успеть умыться, мало-мальски привести себя в порядок, влить в желудок чашку казавшегося безвкусным кофе и бежать, бежать, бежать на ближайшую в плане времени маршрутку.

Здесь время текло иначе, это я поняла в первые минуты своего осознания. Конечно, спать ещё хотелось, но и пробуждение давалось не в сравнение легче – деревянные стены дома, свежий воздух, аромат свежей выпечки знали своё дело. А ещё я поминала наказ Ненилы: лодырей и лентяев здесь не любили. Пришлось брать себя в руки и подниматься.

Следуя за остальными девицами, я нашла умывальню и отхожее место. Чистая студёная вода отогнала сон окончательно, и в избу я возвращалась свежей и отдохнувшей. Висок ещё болел, но, казалось, сама атмосфера этого места влияла на меня благотворно, и рана постепенно затягивалась. Следовало поскорее позавтракать и как можно скорее добраться до терема князя – не хотелось опоздать в первый же «рабочий» день и не оправдать его доверие.

При воспоминании о Володаре щёки мои налились румянцем. Слишком свежи были воспоминания того, как он смотрел на моё обнажённое тело. И, несмотря на затаившийся страх, я всё же помнила и другие свои ощущения, вызванные этим взглядом.

Словно испугавшись, что кто-то может подслушать мои мысли, я робко осмотрелась по сторонам. Девиче даже думать о таком не полагалась, а я, кажется, и вовсе размышляла не о том. Как жить дальше, например, если здесь у меня не сложится. Или же сама захочу уйти, выпустят ли меня? А, может, и вовсе местные люди приютили меня с какой-либо корыстной целью...

На последнем я, конечно, старалась не акцентировать свои мысли. Должно быть, князь и впрямь был очень добр, что защитил меня от Богдана и предоставил убежище. Но мне, как и Настасье, повидавшей в жизни немало плохого, всюду мерещился подвох и моё хрупкое доверие ещё надобно было заслужить.

Позавтракав кашей и молоком, я спросила у девушек, как найти княжий терем.

- Сейчас вместе пойдём! – вызвалась Светланка. – Я у князя на кухне сегодня работаю, провожу и тебя.

Её слова несказанно меня обрадовали: всё же идти впервой с кем-то, а не одной, большое дело. Терем князя находился достаточно далеко от Женского дома, и пока мы шли дорогой, Светланка проводила мне экскурсию, где кто живёт

и что да как тут устроено. Я слушала вполуха, тарашась по сторонам на красивые резные домики, ухоженные и добротные, разные по размерам, должно быть, соответствующим положению в обществе в них живущих, но не уступающие в уюте друг другу, независимо от размера.

Княжий терем располагался в глубине «городца», как здесь называли местные деревню, и выделялся среди прочих не только самыми впечатляющими размерами, но и красотой. Должно быть, над его созданием трудились лучшие мастера-ремесленники, таким невероятно красивым казался он даже издали, с его разноцветными ставнями и балконами, куполами, да резьбой, что покрывала практически весь фасад терема. И у меня сложилось стойкое впечатление, что я нахожусь на экскурсии в каком-то неведомом старославянском поселении, рассчитанном на принятие ежедневной толпы туристов и желающих поглазеть.

Однако, этот город, как и весь это мир, не был вымыслом. Здесь текла своя жизнь со всеми её радостями и печалью, и только я была здесь чужестранкой, даже скорее, иномирянкой, но никому, кроме меня, знать об этом не полагалось. Да и какой был в том смысл? Я же не специально заняла это, не принадлежавшее мне, тело. Да и что стало с моим собственным, я тоже не знала. Однако я понимала, что должна буду выжить любой ценой, раз уж такое со мной приключилось. В конце концов, всё, что не делалось, обязательно должно было привести к лучшему. По крайней мере, мне очень хо-

телось в это верить.

- Ну вот и пришли! – радостно сообщила мне курносая Светланка – кажется ей было не больше восемнадцати, и она напоминала мне пушистого игривого котёнка, которому только покажи клубок – и он тут же бросится с ним играть.

Вот и она казалась мне большим наивным ребёнком, с белокурыми длинными волосами, заплетёнными в добротную косу, украшенную синими и красными атласными лентами.

Мы зашли не с главного входа – для тех, кто работал у князя, имелась своя, неприметная дверца с торца, и я ещё раз порадовалась, что сегодня отправилась сюда не одна.

Светланка привела меня на кухню, где нас встретила бойкая старушонка – главная кухарка князя, которая, несколько не удивившись моему появлению, тут же поставила меня к столу, вручила нож и целую миску овощей, которые мне предстояло почистить и порезать для предстоящей похлёбки. Конечно, здесь я была не одна – кроме Светланки, на кухне работала ещё одна девушка - Оксана, что жила не с нами, а, должно быть, приходила из дому или ещё откуда-нибудь. Втроём мы быстро справились с поставленной задачей, и я уже надеялась немного отдохнуть, утомлённая жаром, что исходил от русской печки, в которой и готовилась вся эта еда.

Но едва я присела на лавку, так тут же почувствовала на себе тяжёлый взгляд, заставивший меня повернуться.

Глава 15

Князь Володар собственной персоной красовался в проёме двери.

В свете дня я могла рассмотреть его куда более хорошо, хотя приличной девице и стоило бы отвести взгляд при виде хозяина, да я не смогла. Раньше, в своей «прошлой» жизни, мне не доводилось видеть таких могучих, статных мужчин. Оно и понятно, современная жизнь того мира исключала охоту и стычки, тяжёлую физическую работу, а потому вырождение действительно физически развитых мужчин было неизбежно. «Пивные» животики и опущенные под тяжестью пакетов из ближайшего супермаркета плечи стали нормой не только для них, но и для большинства выбирающих себе спутника жизни женщин.

Ну а те мужчины, что занимались в спортзалах на тренажёрах, в основном делали это для самолюбования, а в быту пользы от них практически не было. Здесь же, насколько я могла судить, люди были физически развиты, подтянуты именно благодаря своему труду. И мне было удивительно взирать на главу этого городца, вовсе не пытавшегося произвести на меня впечатление, но совершенно произвольно именно это и делающего.

Тёмные волосы Володара, длинные и блестящие, были собраны на затылке. Чёрные брови сошлись к переносице му-

жественного красивого лица, губы же были сжаты в плотную линию. А глаза смотрели строго, и взгляд это был направлен исключительно на меня.

От осознания этого мне, как и вчера, вновь стало не по себе. Я как будто опять была раздета перед ним, и новенькое льняное платье, которое утром вручила мне Ненила, словно ничего не прикрывало – именно так чувствовала я себя под этим суровым и в то же время пламенным взором.

- Пришла, значит? – вместо приветствия спросил он. – Хм...

- А ты, князь, думал – не приду? – вместо того, чтобы отвести глаза и благоразумно промолчать, ответила я, краем глаза замечая, как испуганно затрепетали Светланка и Оксана. Должно быть, князю задавать тут такие вопросы было совсем не принято...

- А ты смелая, - усмехнувшись, пробасил Володар. – Дерзкая. Не потому ли до сих пор живая?

Я передёрнула плечами, не зная, что на это ответить.

- Какая уж есть, - сорвалось с языка само по себе.

На этот раз Володар глянул на меня так, словно рублём одарил. И я всё же не понимала, что он от меня ждал, чего добивался. Прямо спросить я не могла, надеясь, что он сейчас уйдёт, а он и не думал, прохаживаясь по княжеской кухнеке взад и вперёд, словно что-то проверяя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.